

2. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. – М.: Гос. соц.-экономич. изд-во, 1933. – 432 с.

3. Жирмунский В.М. О синхронии и диахронии в языкознании // Вопросы языкознания. – 1958. – № 5. – С. 43-52.

4. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. – М.: Иност. лит., 1950. – 296 с.

5. Jakobson R. Results of the Conference of Anthropologists and Linguists // The International Journal of American Linguistics. XIX. 2. – Baltimore, 1953. – P. 17-18.

Н.В. Соловьёва

О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ДРЕВНЕРУССКОГО СЛОВА
ЛИЦЕ В ТЕКСТАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ
ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА XI –
XVII ВВ.)

Обращаясь к изучению языковых состояний древнейших эпох, исследователь сталкивается с иной, принципиально отличной от современной системой культуры. Речь идет, прежде всего, о синкретизме русского средневекового мировосприятия, предопределившего глубокий всеобъемлющий символизм древнерусской культуры и языка. «Символическое значение имела буквально каждая грамматическая форма, иногда даже – каждый графический знак, с помощью которого выражался тот или иной признак символа» [2: 134]. В полной мере средневековый символизм был воплощен в значении слов, и это во многом предопределяло возможности их дальнейшего семантического развития, а также специфику механизмов фразообразования. Иллюстрацией сказанного, в частности, могут послужить формулы с компонентом *лице*, отмеченные в русском языке XI-XVII вв. В исследовании использованы материалы из [5; 6].

Происхождение общеслав. **lice* до конца не ясно. В достаточной степени достоверные этимологические соответствия в индоевропейских языках обнаружены не были, и это, безусловно, существенно усложняет выявление исходной семантики слова. Сопоставление рефлексов общеслав. **lice* в

славянских языках и диалектах [4/15: 75-78] даёт основания думать, что в праславянскую эпоху **lice* означало ‘вид’ в самом широком понимании – как наружность вообще, внешняя, видимая сторона любых, одушевлённых и неодушевлённых, объектов. О семантическом потенциале слова свидетельствует и его употребление в переводных старославянских и древнерусских текстах, где *лице* соответствует древнегреческим *πρόσωπον* (внешний вид как то, что снаружи; наружность), *μέτωπον* (внешний вид как передняя, видимая сторона), *εἶδος* (внешний вид как объект эстетической оценки), *χαρακτήρ* (внешний вид как изображение, форма).

В исходном значении слова *лице* сема чувственного визуального восприятия (лицо – то, что на виду) оказывается в отношениях взаимной предопределённости с пространственными смыслами (видимой является передняя / верхняя часть объектов). Материалы древне- и старорусских письменных источников иллюстрируют обособление первоначальных семантических линий и терминологизацию отдельных значений, хотя тесная связь пространственных и чувственных аспектов значения слова *лице*, по-видимому, сохраняется в русском языковом сознании на протяжении ещё долгого времени. Вместе с тем, специфика первоначального значения задала основные направления исторического развития семантики слова *лице*.

Исторические трансформации пространственного аспекта семантики др.-рус. *лице* ‘то, что впереди /верху; передняя, верхняя часть’ представляют наибольший интерес хотя бы потому, что слово *лицо* в обычном для современного носителя языка значении ‘передняя часть головы человека’ является результатом развития этой семантической линии. В значении ‘передняя часть головы человека’ слово *лице* фигурирует в древнерусских текстах различной направленности (*и вда ю за Ярополка красоты ради лица ея* ПВЛ. Лавр. лет., л. 23об., *Аче попѣхнеть мужь мужа любо к собе ли от собе, любо по лицу оударить, ли жердью оударить, а видока два выведутъ, то 3 гривны продажи* Рус. Пр., 92),

однако сложно установить, что явилось определяющим в специализации данного значения: внутриязыковые механизмы переноса именования по принципу синекдохи или же влияние через язык переводной литературы др.-греч. *πρόσωπον*, обнаруживающего определённую семантическую общность с «пространственными» смыслами др.-рус. *лице*. В таких случаях, видимо, значимы оба фактора, и взаимодействие с иноязычным словом становится лишь толчком к раскрытию имеющегося семантического потенциала, изначально присущего древнерусскому слову.

Оформлению значения ‘передняя часть головы человека’ способствовало употребление слова *лице* в составе переводных устойчивых формул, которые, несмотря на заимствованный характер, оказывались содержательно понятны и не требовали особого семантического толкования. *Потѣмъ лица своего ꙗси хлѣбъ сии* (Сл. Ио. Дамаск., Усп. сб. XII-XIII вв.) / *В потѣ лица своего снѣси хлѣбъ свои* (Библ. Генн., 1499 г.) – смысл заимствованной формулы прозрачен в силу соотнесенности с реальной внеязыковой ситуацией: трудиться так, чтобы на лице выступил пот → усердно, с полной отдачей. Между тем употребление слова *лицо* в переводных выражениях демонстрирует и расхождения в исходной семантике древнерусского и древнегреческого слова: *И отиде изъ земля ханаонския с лица Иаковля брата своего* (Быт. XXXVI, 6; Библ. Генн., 1499 г.); *Повелѣ придбнаго поставити предъ лицемъ своимъ* (Ж. Вас. Нов., 369, XIV в.). *Лице* здесь выступает как необходимое условие / инструмент визуального восприятия: *предъ лицемъ* – ‘в пределах видимости’, *с лица* – ‘из поля зрения’. «Чуждость» данного смысла древнерусскому языковому сознанию, для которого *лице* – это, прежде всего, объект восприятия (то, что на виду), ограничила функционирование перечисленных выражений рамками переводных религиозных текстов, в то время как в языке летописи и деловых документов значение непосредственного визуального восприятия выражают формулы с опорным словом *око*: *на очахъ быти, на очи*

пустити, съ очей сослати (современное *попасться на глаза, уйти с глаз*).

Преимущественное употребление слова *лице* как ‘передняя часть головы человека’ в текстах культово-религиозной направленности вполне закономерно в рамках христианской культуры, где на фоне общего отрицания телесности, внешнего вида вообще, лицу как части тела придаётся особое значение «выразителя» внутренней сущности человека. Данная особенность, составляющая одну из характерных черт византийского и древнерусского живописного канона, в полной мере проявлена и в словесном портрете, прежде всего, в рамках житийной литературы, где «положительные типы непременно обладают красивой и величественной внешностью, отрицательные – наделены отталкивающей наружностью» [1: 281]. *Лице*, таким образом, оказывается в определенном смысле противопоставлено *сердцу* как внешнее и внутреннее, чувственно воспринимаемое и непостижимое с помощью обычного восприятия. Такое разграничение регулярно для книжных текстов: *Члкъ бо зрѣть въ лице а Бъ въ срце* (Панд. Ант., XI в., л. 104).

При этом *лице* как ‘передняя часть головы человека’ участвует в выражении конкретных, «явных», воплощенных в действии желаний. [Александр] *приде в острова морьскыя и врати лице свое взыти въ Ерслмъ побидити жидаы* (Ипат. лет., 263) – очевидна обусловленность семантики сочетания *вратити лице* конкретной внеязыковой ситуацией: повернуться лицом – значит обнаружить намерение совершить действие. Формулы же с опорным элементом *сърдьце*, напротив, являются обозначением внутренних устремлений человека: *Богатъство аще течеть, не прилагайте сердца* (ВМЧ, Сент. 14-24, 772. XVI в.). Подобные представления о *сердце* как области «ratio», средоточии осознанных и контролируемых желаний проникала в русскую средневековую культуру опосредованно, через переводы греческих богослужебных текстов; при этом внутренняя форма заимствованных формул оставалась непрозрачной для носителей русского языка, что ограничивало сферу

употребления формул типа *(не) прилагати сърдце* рамками переводных религиозных текстов [3: 176].

Дальнейшее развитие семантическая линия *лице* ‘внешняя, визуально воспринимаемая часть объекта’ получила в семантике производных слов *обличие / обличение* ‘внешний вид, образ, наружность’: *И лежа на ложи своемъ посредь шатра, отверзь очи свои, види мужа стояща над нимъ и мѣчь нагъ в руцѣ его, и обличенье меча его, яко молонии* (Ипат. лет., 263), *обличити* ‘сделать видимым, явным’ с дальнейшей трансформацией в ‘уличить, обвинить (т.е. сделать явным, видимым / очевидным какой-л. проступок)’: *чтобъ тамъ тотчасъ были обличены и похулены, что говорили неправду и непростойно* (ДАИ XI, 165. 1684 г.). В то же время слово *лице* становится обозначением не любого визуально воспринимаемого объекта, а лишь человека, точнее, его внешней, видимой глазу, «явной» оболочки. С этих позиций формирование терминологического значения *лицо* ‘человек как социально-правовой субъект’ видится как результат одновременного действия внутриязыковых механизмов терминологизации и семантического влияния иноязычного слова (др.-греч. *πρόσωπον*). С одной стороны, в старорусской деловой письменности *лицо* обозначает человека как непосредственно воспринимаемый объект, «человек наяву» (*Государево жалованье... давати встѣмъ на лицо, а за очи и подставою денегъ никому не давати* ААЭ III, 307; *обыскивати с лица на лице, и за очи обыскных людей не писати* Суд. Фед. Ив., пр., 410, 1589 г.), что иллюстрирует развитие исконной семантической линии ‘то, что на виду, в наличии’. С другой стороны, в переводных судебныхниках появляется понимание лица (соотв. др.-греч. *πρόσωπον*) как отличия, в первую очередь, внешнего, выделяющего конкретного человека из числа других «лиц»: *Аще ли от клирика или от иного лица пришествие на епска будѣт первѣе <...> митрополит по сщным канонам и по нашему закону вещь да судит* (Корм. Балаш., 202, XVI в.). Взаимодействие двух обозначенных факторов семантического развития слова *лицо* могло привести в конечном итоге к формированию термина, однако в

старорусском языке этот процесс не был завершён, и «слово *лицо* до XVII – начала XVIII в. не обозначало человека вообще, индивидуума, персонаж, так же как и не выражало до XIX в. значения ‘индивидуальный облик, отличительные черты, совокупность индивидуальных признаков’» [1: 279].

В семантической истории слова *лице* прослеживается связь исходных пространственных и чувственных элементов значения с эстетическими смыслами: *лицо* – это верхняя / передняя, видимая и, соответственно, красивая / лучшая часть объектов (*показать товар лицом*). В рамках переводных контекстов семантический потенциал славянского слова в полной мере был поддержан взаимодействием с лат. *color* и греч. *χρῶματος*, обозначавшими как ‘цвет, краска’, так и ‘внешний вид / поверхность тела’, что стало определяющим фактором в формировании у др.-рус. *лице* значения ‘краска / изображение → наиболее красивая (обработанная) часть объекта’, которое отмечено в составе старорусских формул *въ лицо ставити (поставити)* и *лицо наложити*: *Къ поставлению... патриарха иноземець Андрей Кашипировъ изъ ризныя казны чистил и въ лицо поставилъ двѣ митры, да двѣ короны...* (Заб. Мат. I, 977. 1690 г.); *Лицо наложити перстом, терти с песком сеяным* (Цветник, 30. XVII в.).

Как результат развития этой семантической линии следует, по-видимому, рассматривать и появление оценочных значений у прилагательных *приличный* (первоначально ‘похожий’) и *отличный / отликий* (первоначально ‘особый’): *Купить <...> суконъ отликихъ, самыхъ лутчихъ* (Гедб., 49. 1660 г.). К этому же времени относится появление в русском языке формул с оценочным значением *не к лицу, ударить лицом в грязь*.

Таким образом, исходный символизм семантики др.-рус. *лице* был предопределён целостностью средневекового мировосприятия, основанного на образно-интуитивном постижении сущности вещей: *лице* ‘верхняя часть, поверхность’ – ‘то, что на виду (на поверхности)’ – ‘лучшая (нарядная, красочная) сторона’. Семантическая трансформация исходного символа выразилась в появлении и специализации

отдельных значений под воздействием традиционного употребления в составе языковых формул. Фактором, способствующим разрушению исходного символизма и терминологизации отдельных значений являлось также семантическое взаимодействие древнерусского и иноязычного слова в рамках переводных контекстов (*лицо* ‘передняя часть головы’ > ‘социальный субъект’). В то же время, диссонанс внутренней формы древнерусского языкового символа и значения иноязычного слова препятствовал семантической трансформации, ограничивая такие употребления узкими рамками переводных формул (*поставити предъ лицемъ*).

Литература

1. Виноградов В.В. История слов / отв. ред. академик РАН Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – 1138 с.
2. Колесов В.В. Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. – 444 с.
3. Соловьёва Н., Неборская С. Формулы с компонентом *сърдце* в русском языке XI-XVII вв. // *Kalbair tarp kultūrine komunikacija. Konferencija smedžiaga. 1 dalis.* – Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2009. – P. 174-177.
4. Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. – Вып.15. – М.: Наука, 1988. – 264 с.
5. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. – [Репр. изд.] – М.: Знак, 2003.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. – Вып. 1-28. – М.: Наука, 1975-2008.

В.С. Картавенко ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СТАРОРУССКОГО ЯЗЫКА*

Памятники деловой письменности XVII-XVIII вв. представляют интерес не только для историков, юристов, но и для учёных-лингвистов. Строгость и определённая закреплённость (формульность) различных жанров деловых